

УДК 94(44) + 930(47+57)

ФРАНЦУЗСКАЯ АБСОЛЮТНАЯ МОНАРХИЯ В
ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
FRENCH ABSOLUTE MONARCHY IN PRE-REVOLUTIONARY
RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

А.В. Мякинская

A.V. Miakinskaya

Учреждение образования «Белорусский государственный университет
информатики и радиоэлектроники», Минск

Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics, Minsk

В статье рассматривается трактовка феномена коллективной памяти через интерпретацию понятия “абсолютизм” в российской либеральной историографии последней четверти XIX – начала XX в.

The article discusses the interpretation of the phenomenon of collective memory through the interpretation of the concept of “absolutism” in Russian liberal historiography of the last quarter of the XIX - early XX centuries.

Ключевые слова: историография; дискурс; коллективная память; абсолютная монархия; старый порядок.

Keywords: historiography; discourse; collective memory; absolute monarchy; old order.

Исследуя коллективную и историческую память, французский социолог М. Хальбвакс писал, что индивиду доступны два типа памяти: индивидуальная и коллективная память социальной группы, которые, опираясь друг на друга, взаимообогащаются и создают национальную память. В результате “возникает ... искусственная среда, внешняя к индивидуальным сознаниям, но охватывающая их, – некие коллективное время и пространство и коллективная история” [1, с. 12]. Появляется феномен коллективной памяти как средства самоидентификации различных сообществ.

Национальная русская культура впитала в себя явления чужой политической истории. По словам Герцена, со времен Радищева и Карамзина в

российском обществе присутствовал культ Французской революции, ставший частью духовного опыта России [2, с. 19].

Революционное наследие Франции образовывало дискурсивные практики, в контексте которых выстраивались общественно-политические направления дореформенной и пореформенной России – радикалы, либералы, консерваторы. Как эволюционировала эта традиция в России?

Французский абсолютизм и Французская революция XVIII в. – темы не просто хронологически близкие, но и тесно связанные, т.к. именно Революция положила во Франции конец абсолютной монархии. Для подавляющего большинства русских авторов, писавших о Французской революции, обстоятельный экскурс в историю государственных институтов старого порядка был необходимым элементом разговора о причинах и предпосылках Революции. В настоящей статье речь и пойдет о том, как представляли себе французскую абсолютную монархию историки дореволюционной России.

Основателем русской научной школы Новой истории является профессор Московского университета В.И. Герье, который первым в империи стал читать курс истории Французской революции. Историк выступил со своей интересной концепцией французской революции и ее последствий. Так Герье считал, что “Франция как государство есть плод деятельности французских монархов” [3, с. 214], а “феодальный сеньор ... становится государем” [3, с. 217]. Он отмечал, что в ходе эволюции государственный строй Франции проходил три этапа в своем развитии: период феодальный, далее период Генеральных штатов, и с конца XVI в. – период неограниченной королевской власти.

В.И. Герье писал, что в словах “Государство – это я”, традиционно, приписываемых Людовику XIV, “заключается ... верная оценка свойств и характера тогдашней королевской власти” [4, с. 12]. Цитируя мемуары этого монарха, историк обращал внимание на утверждение, что король является наместником Бога и причастен к его всевластью, а это в свою очередь дает ему, монарху, право на частную собственность своих подданных.

Однако Герье акцентировал внимание на важном моменте: абсолютная власть короля ограничивается парламентами и прежде всего Парижским. Эти парламенты присвоили себе право соглашаться или нет на изданные правительством законы, мотивируя тем, что это всегда было привилегией парламента [3, с. 229]. Исследователь резюмировал, что Франция в конце XVIII века представляла собой абсолютизм, ограниченный рядом привилегий, принадлежащих провинциям, сословиям, парламентам. Абсолютная монархия, признавалась закономерным этапом эволюции государственного управления, но в какой-то момент она начинала тормозить развитие страны. В государственном строе Франции за монументальным фасадом скрывалось расхождение между теорией и реальностью – развалины средневековых учреждений, которые мешали централизации страны, – так оценивал деятельность монархии ученый [3, с. 228].

В своих лекциях по истории XVIII в. В.И. Герье дал краткий очерк политического и социального развития Франции, завершившегося революцией, упрекнув французскую монархию в том, что она не выполнила свою историческую задачу и не довела до конца политическое объединение страны.

В кругах русских исследователей в вопросе изучения истории Франции в период последней четверти XVIII в. сложилась научная школа, которую французские историки А. Олар, Ж. Жорес, А. Матъез называли “Ecole russe”, и относили к ней Н.И. Кареева, И.В. Лучицкого, М.М. Ковалевского [5, с. 5]. Взгляды последних были сформированы на либеральных идеях и позитивистской методологии. Эти представители рассматривали исторический источник как единственную основу познания, а поэтому их работы построены на большом архивном материале.

Ученик В.И. Герье, патриарх “русской исторической школы” всеобщей истории, Н.И. Кареев посвятил абсолютизму многие главы в классическом учебнике [6] и известной научно-популярной работе [7].

Абсолютизм в представлении Н.И. Кареева носит вневременной, абстрактный характер. Он характерен для Древнего Египта, эллинистических

государств, Византии, Римской империи, арабского халифата, Османской империи и т.д. Эпоха абсолютизма для Западной Европы – продолжение политических форм имперского Рима, но уже в превращенном виде. Общим для этих государств является сосредоточение власти в руках одного лица.

В хронологическом плане это политический и социальный строй большинства западноевропейских государств в XVI, XVII и XVIII вв., который стал продолжением монархий Древнего Востока и греко-римского мира.

Старый порядок соединял средневековые социальные привилегии с абсолютной монархией Нового времени, искусственно и амбивалентно. Эволюция французской государственности укладывалась в следующую схему: абсолютизм Римской империи – феодализм – сословная монархия – абсолютизм Нового времени, как возвращение к имперским порядкам Древнего Рима [7, с. 4-5].

Королевская власть и подчиненный ей бюрократический аппарат взяли в свои руки законодательную функцию государства, управление и суд, а поэтому одна из характерных черт абсолютной монархии Нового времени проявляется во влиянии королевского двора на внешнюю и внутреннюю политику государства.

“Вся нация содержится в особе короля” – писал Кареев, цитируя мемуары Людовика XIV [7, с. 326]. По мнению историка, власть короля по своей форме и содержанию приближается к азиатскому деспотизму.

Н.И. Кареев считал, что абсолютизм во Франции был полностью ликвидирован Великой французской революцией, с нее же началось крушение абсолютных монархий в Западной Европе. Тогда и появился термин “старый порядок” как часть революционного дискурса. В русской дореволюционной новистике оба термина “абсолютизм” и “старый порядок” были взаимозаменяемыми, синонимичными.

“Самое определение старого порядка должно вытекать из сравнения с тем, что ему предшествовало, и с тем, что за ним последовало” [8, с. 22] – так Н.И. Кареев пояснял свое представление об абсолютизме, наделяя последний

прямо противоположными чертами тем, которые вышли из революции (отсутствие политической свободы и гражданского равенства, отсутствие конституционных учреждений). Общая оценка исторической роли французского абсолютизма, данная им, выглядит крайне негативной.

П.Н. Ардашев, выпускник Московского университета, либерал правого толка, ученик Н.И. Герье, автор книг “Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка” [9] и “Абсолютная монархия на Западе” [10], работал в русле российской либеральной историографической традиции начала XX в.

Он считал, что неограниченная монархическая власть является наиболее древней и распространенной формой правления. Причины появления политического абсолютизма, чуждого всему предшествующему средневековому развитию, Ардашев видел в возрождении римской государственной идеи, а также в разложении феодализма и вышедшей из него сословной монархии. Феодализм – общественный строй, который характеризуется отсутствием единой государственной власти и системой сеньориального вассалитета.

Причины, приведшие к появлению абсолютной монархии во Франции, носят политический, экономический и социокультурный характер: 1) возрождение римского права и появление его носителей – легистов (представители болонской школы юристов); 2) разложение феодального строя и сословной монархии; 3) усложнение государственного механизма, связанного с появлением чиновничества и развитием бюрократии; 4) упадок сословно-представительных учреждений, связанный с антагонизмом дворянства и третьего сословия во французских Генеральных штатах.

Рост королевской власти связан с территориальным и национальным объединением страны (10, с. 102). По мнению Ардашева, первым абсолютным монархом был Франциск I, а полного расцвета монархия достигла при Людовике XIV. Реформирование управленческого аппарата историк связывал с

деятельностью Ришелье (институт провинциальных интендантов) и Кольбера (политика протекционизма и опеки).

“Королевский абсолютизм был возведен Людовиком XIV в своего рода культ, и центром этого нового культа должен был служить двор”, – пишет Ардашев (10, с. 166). Король Франции представляет всю нацию. “В воле короля содержится воля всего народа” (10, с. 172-173). В истории царствования Людовика XIV Ардашев видит одну из главных причин Великой французской революции.

Если говорить о “русской школе” историков французской революции, то следует обязательно назвать М.М. Ковалевского, историка и социолога, автора работы “Происхождение современной демократии”. Характеризуя политический строй Франции накануне революции, исследователь говорит о старинной французской конституции, понимая под этим сословно-представительные органы (Генеральные штаты, парламенты, верховные суды и др.), которые по мере усиления абсолютной власти короля приходят в запустение [11].

И.В. Лучицкий, профессор Киевского университета, занимался религиозными и социально-политическими конфликтами в истории Франции XVI в., аграрной историей кануна Великой французской революции, поэтому за исключением вступительной лекции “Провинциальные собрания во Франции при Людовике XVI и их политическая роль”, специальной работы абсолютизму он не посвящал. Характеризуя политический строй, исследователь назвал Францию “почти безмолвной прежде нацией” [12, с. 4]. Он обращает внимание на полное отсутствие местного самоуправления при торжестве королевской власти: “На развалинах старого порядка возвышалась в XVIII в. неограниченная почти власть одного короля, управляющего по произволу” [12, с. 6]. В такой характеристике предреволюционной Франции, человек, знающий реалии российской истории эпохи самодержавия, сразу видит параллели.

По И.В. Лучицкому, старому порядку присущ волюнтаристский характер управления, т.е. политические решения зависят от каприза, расположения духа,

настроения и воззрений чиновника, а не от пользы этих решений для государства. Представитель королевской власти на местах – интендант, обладает столь широкими полномочиями в провинциях, что разыгрывает роль вице-короля, его “действия носили ... характер полного произвола по отношению к вверенному его попечениям населению” [12, с. 8]. По данному вопросу мнение Лучицкого расходилось в корне с картиной, нарисованной Ардашевым.

Ученик И.В. Лучицкого, профессор Петербургского университета, Е.В. Тарле симпатизировал марксизму, однако в его интерпретации абсолютизм не отличается от русской либеральной традиции и воззрений его учителя И.В. Лучицкого.

Е.В. Тарле рассматривает абсолютизм как чисто социологический феномен не имеющий временных и географических рамок: в Древнем Египте, в Месопотамии, в Израильском царстве, в монархии Александра Македонского, Римской империи.

Французская монархия в XVIII в., по мнению Е.В. Тарле, представляла “экономический распад”, действия которой вели к “голоданию нации”, и не была способна на какие-либо действия и реформы. По этой причине исход был предрешен – революция [13, с. 50-64].

Просматриваются параллели французского исторического опыта и русской исторической действительности, которые проводятся вполне открыто. Профессиональные историки считали возможным проводить аналогии между русским самодержавием и французским абсолютизмом кануна революции, имевшие политический подтекст, а поэтому совсем не удивительно, что русская публицистика того времени ими просто пестрит. Так, историк и теоретик анархизма А.А. Боровой, характеризуя положение о личной неприкосновенности, написал небольшое исследование о *lettres de cachets* (тайные приказы об аресте) [14].

А.Н. Савин специально не занимался вопросами изучения истории Франции и французского абсолютизма, но сохранился лекционный курс,

посвященный данным сюжетам, прочитанный им в Московском университете в 1912-1913 гг. и изданный в советское время.

Автор писал, что французский абсолютизм является ярким образцом своеобразного порядка, через который суждено пройти всем крупным европейским обществам. Анализируя мемуары Людовика XIV, А.Н. Савин обращал внимание на присутствие элемента самообожествления. Свою славу Людовик XIV отождествлял со славой государства и народа, “слава народа, сила, власть и мощь государства, являются лишь пьедесталом величия монарха” [15, с. 9].

По словам историка, французская монархия того периода полностью соответствовала идеалу неограниченной власти, охарактеризованной видным теоретиком абсолютизма Боссюэ следующим образом: “Власть короля – абсолютна. Она есть образ божьей власти” [15, с. 13].

С точки зрения автора, век Людовика XIV нельзя назвать угасанием французского дворянства, но нельзя отрицать, что оно в значительной мере было отодвинуто от управления государством, дел местного управления, внешней и внутренней политики. Родовитое дворянство оттеснено людьми мантии, менее родовитыми, но идущими в гору.

А.Н. Савин делает вывод, что французский абсолютизм в эпоху правления Людовика XIV был жизнеспособным и еще мог двигать страну вперед, т.к. соответствовал потребностям общества. Однако и вреда правление Людовика XIV принесло стране немало: своей великодержавной политикой он разорил и истощил страну. Автор резюмирует: “Великий век ... является ... одним из самых убедительных указаний бесплодности абсолютистского порядка” [15, с. 234].

После революции 1917 г. сопоставления королевского абсолютизма во Франции и российского самодержавия утратили политическую актуальность, однако представлениям о королевском самодержавии как о французском государстве старого порядка предстояла долгая жизнь в российской историографии.

Список использованных источников

1. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2-3. – С. 8-27.
2. Гордон, А.В. Великая французская революция в советской историографии / А.В. Гордон. – М. : Наука, 2009. – 380 с.
3. Герье, В.И. История XVIII века: лекции, читанные в 1902-1903 гг. / В.И. Герье. – М. : Типолитография Ю. Венер, 1902. – 525 с.
4. Герье, В.И. Идея народовластия и Французская революция / В.И. Герье. – М. : Печатня С.П. Яковлева, 1904. – 571с.
5. Погодин, С.Н. “Русская школа” историков: Н.И. Кареев, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский / С.Н. Погодин. – СПб. : Издательство СПбГТУ, 1997. – 380 с.
6. Кареев, Н.И. История Западной Европы : в 5 т. / Н.И. Кареев. – СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1893. – Т. 2 : История Западной Европы в Новое время. – 618 с.
7. Кареев, Н.И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII, XVIII веков / Н.И. Кареев. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1908. – 144 с.
8. Кареев, Н.И. История Западной Европы : в 5 т. / Н.И. Кареев. СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1893. – Т. 3 : Восемнадцатый век и Французская революция. – 650 с.
9. Ардашев, П.Н. Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка. 1774-1789 : в 2 т. / П.Н. Ардашев. – СПб. : Типография В.С. Балашев и К, 1900. – Т. 1. – 658 с.
10. Ардашев, П.Н. Абсолютная монархия на Западе / П.Н. Ардашев. – СПб.: Типография акц. общ-ва Брокгауз-Эфрон, 1902. – 184 с.
11. Ковалевский, М.М. Происхождение современной демократии : в 4 т. / М.М. Ковалевский. – СПб. : Просвещение, 1912. – Т. 1 : Общественный и политический строй Франции накануне революции. – 664 с.

12. Лучицкий, И.В. Провинциальные собрания во Франции при Людовике XVI и их политическая роль / И.В. Ковалевский. – Киев : Университетская типография (И.И. Завадского), 1879. – 40 с.

13. Тарле, Е.В. Падение абсолютизма в Западной Европе: исторические очерки / Е.В. Тарле. – СПб.-М. : Товарищество М.О. Вольф, 1907. – 206 с.

14. Боровой, А.А. История личной свободы во Франции : в 2 т. / А.А. Боровой. – М. : Типография Московского ун-та, 1910. – Т. 1, Ч. 1 : Старый порядок и революции. – 470 с.

15. Савин, А.Н. Век Людовика XIV / А.Н. Савин. – М. : Госиздат, 1930. – 248 с.

Впервые напечатана в Научные труды Республиканского института высшей школы. Ч. 1 Исторические и психолого-педагогические науки; редкол. В.А. Гайсёнок (пред. редкол.) [и др.]. – Минск, 2019. – С. 373–379.